В ТЕАТРЕ ОБРАЗЦОВА ГОВОРЯТ О ВЕРЕВОЧКАХ,

или Как куклы уволили Резо Габриадзе

Евгения Ивановна стояла в очереди за зарплатой. К ней подошел невысокий человек интеллигентной кавказской наружности, взял за руку и сказал: «Мадам! Мы с вами совсем незнакомы. Пойдемте, я покажу вам свои картины». С этого знаменательного «мадам» она потеряла всякий творческий покой. К Евгении Ивановне вернулась полузабытая детская восторженность.

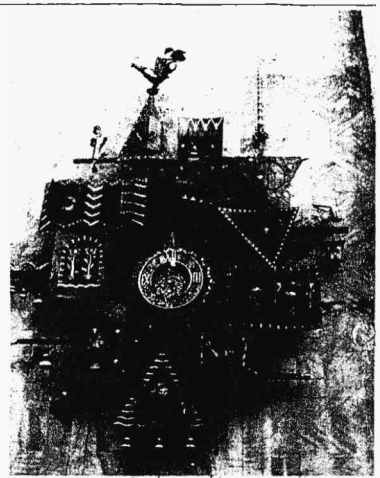
А это, казалось бы, самое невинное качество характера раньше часто ее подводило. Весь первый курс сценического мастерства в студии столичного ТЮЗа ей пришлось просидеть за спиной педагога — тот не выдержал восхищенных, испуганных, первобытных всхрипов актрисы-травести и приказал: «Кузнецова, сиди сзади». Хотя чего другого было ожидать от девчонки, из первозданных мест у слияния Хопра и Вороны. Все знакомство со сценой — радиопередача «Театр у микрофона». На экзаменах изображала конечно же Анну Каренину, роли в ТЮЗе просила исключительно героические и заливалась над ними слезами.

Первые годы Женя снимала угол, даже не угол, а сундук у старушки в Дегтярном переулке, посылала поздравительные телеграммы Лоуренсу Оливье и была счастлива суетой столичной жизни. Но само по себе театральное существование со временем перестало вызывать былые восторги, превратилось в профессию.

К сорока годам Женя почувствовала, что стало не по себе, ну просто клин какой-то выходить на авансцену в ролях девочек, мальчиков, зайчиков. Хотя товарищи ее выходят и сейчас... Жизнь личная то вырисовывалась, то растворялась в театральных буднях. Появилось новое серьезное увлечение — немецкий язык и австрийская драматургия... В общем, она бросила ТЮЗ и защитилась по австрийскому театру. Собиралась выйти на пенсию (у артистов она ранняя), писать статьи, заняться переводами. Однако случилась перестройка, и вскоре оказалось, что это никому не нужно.

Один ее товарищ, вернее, даже товарищ ее товарища, профессор театра Образцова Адиль Мамедов несколько раз звал Женю в этот театр на должность завтрупповой. Она знала эту, с позволения сказать, особенную работу и отказывалась. Но однажды позвонил Мамедов и сказал, что в театр приходит новый художественный руководитель Габриадзе. «Тогда... я иду», — сказала Женя и, положив трубку, подумала: «А вдруг не возьмет?»

...Вскоре к ней подошел человек и сказал: «Мадам!..»



Евгению Ивановну разглядел ее неизбывный зритель, принявший неплохо. В уникальном коллективе театра кукол имени С. В. Образцова молодому актеру — сорок лет, норма — шестьдесят, а семьдесят-восемьдесят — обычное дело, и заслуженными артистами пруд пруди. В театре две труппы, одна — должна ездить, другая — работать дома, так задумал Образцов, когда этот привилегированный государственный театр много ездил за рубеж.

Маститые собрались в первой труппе, и с ними была основная морока. Искала замены, если кто заболеет (а это случалось часто), приходилось знать кто где днем ночью спит — относительно молодые люди среди актеров тоже были.

Габриадзе посадил ее не за спиной, а в первый ряд, ей было доверено наблюдать, что и как рождалось в его мастерской. В те дни, когда шла работа над знаменитой впоследствии «Песней о Волге», Женя ощущала, что обстоятельства ее жизни как-то своеобразно изменились.

ИЗ ДНЕВНИКА Е. И. КУЗНЕЦОВОЙ

«...Он опять «фантазирует», репетирует с Робертом эпизод, вернее, пролог спектакля. Действует патрисящие, насыпается холм из песка, внутрь него закрываются куклы без туловища, флаги советские и немецкие, каски, медали, гильзы — медали военной жизни. В холм втыкается сухая ветка. Роберт вытягивает заслонку, и в отверстие начинает течь песок. Обнажается кукла, бесплотная, словно дух, ищет в песке все эти вещи, потом на холме засыпает. Впечатление потрясающее, я уже смотрела десятки раз, и всякий раз плачу».

Да, оказалось, что тот необычный мешочек слез, которым природа снабдила в путь каждого, ею еще не выплакан. А своеобразные новые обстоятельства, в которых она оказалась, состоит в том, что на самом деле они, эти обстоятельства, не есть реальные события ее жизни, а, как бы ни звучало странно, — это другой человек, его порывы, страсть, образы и... куклы. Они были во множестве перед ней: летчик, сросшийся с самолетом наподобие кентавра, запланканная старуха, глядя на которую, Женя сама заливалась слезами, и очень, очень красивые, стройные немцы с голубыми глазами... По мысли Резо, все немцы должны были выглядеть холеными орлами, а наши — походить на воробьев, взъерошенных, истерических, неприкаянных, живых. А самый главный немецкий красавец, почувствовав взгляд той самой запланканной старухи, обязательно отвел бы глаза...

Этих удивительных кукол потом в спектакле не было, щедрый и беспощадный Габриадзе отсекал сцены, эпизоды, образы. Но только Женя, один-два актера и художники, работавшие с ним, могли знать или догадываться, из каких глубин личного опыта и переживаний появлялось все это, а потом жило, боролось, побеждало и умирало в Мастере. Знать или хотя бы догадываться о том, что, кроме них, в театре никого не интересовало.

ИЗ ДНЕВНИКА Е. И. КУЗНЕЦОВОЙ

«Позвонил радостный Адель (он же профессор Адиль Мамедов, товарищ товарища Жени. — Н. М.) и сказал, что Резо снимают и что дорогой директор скоро вернется с больничного. Я что-то резко ответила, и он сказал: «Ладно, ладно, мы тебя не трогаем». В том смысле, что оставляем в стороне от интриг... Добавил: «Письмо мы написали, часто звоним в министерство». «Да, — говорю, — вы звоните и болеете, а мужик все время лепит и рисует». «Он не поставит спектакль, он цыган...» Кричу: «Откуда ты знаешь, дайте ему что-нибудь сделать!» Он: «Наш театр — музей. Пусть и остается музеем.

...В субботу пришла совершенно разбитая Образцова и говорила: «Они меня замучили! Хотят, чтобы я подписала письмо. Как частное лицо я могу заступиться за обиженного директора, но ведь это же акция».

Из осведомленных источников в Министерстве культуры Евгения Ивановна узнала, что кукольная общественность, подписавшая письмо против своего художественного руководителя, возмущена тем, что не найден пророк в своем отечестве, а взят со стороны шикарными условиями его контракта и быстрой покупкой квартиры для него. Выражались сомнения в его способности поставить наконец спектакль, да и вообще сомнения относительно его таланта, подчеркивалась несовместимость камерного кукольного жанра, в котором удалось достичь некоторых успехов данному художнику с традициями государственного по сути и эстетике театра.

Написав первую жалобу в министерство, активная часть кукловодов вступила в фазу открытой борьбы. Одна действительно заслуженная, хорошая, интеллигентная пожилая артистка (пианист — «Юное дарование» в «Необыкновенном концерте»), принявшая граммов на общих посиделках по случаю какого-то праздника и взгромоздясь на стул, вдруг запела: «Пиф-пиф, ой-ой-ой, умирает зайчик мой». И потом хор подхватил «Чижика», (В этом была масса удовольствия: так уесть Габриадзе по поводу его скульптурных мини-форм — чижика, который водку пил, и зайца, который когда-то в Псковской области заставил свернуть сусеверного Пушкина с дороги на Сенатскую площадь.)

«Но пасаран!» — раздавалось в театральных коридорах. «Кто не пройдет?» — недоумевала Женя. — Один этот шестидесятилетний человек с уставшими глазами, который весь в клее, краске, пластилине, тихо паникует, там, в своей мастерской, одевает и раскрашивает кукол?»

ИЗ ДНЕВНИКА Е. И. КУЗНЕЦОВОЙ

«Сегодня был сумасшедший день. Вводы, репетиции, надо было составить расписание на месяц вперед. В этой связи зашла к Резо. Он измучен, попросил написать ему заявление. Я, говорит, обещаюсь теперь в театре при помощи бумаги. При этом все время рисует эскизы, мрачно говорит: «Вот самое главное для меня (рисует) — передать ощущение, что эта комната пустая». Сердце разрывается глядя на него».

Евгения Ивановна продолжала работать с актерами, хотя смотреть на этих «писателей» уже не хотелось.

Как человек сугубо непрактичный она не могла воспринять конфликт с рациональной стороны. Хотя, может быть, именно в этом прав.

«Наш театр — музей» — это не просто слова. Это сформулированное внутри театра мироощущение, нечто вроде девиза. (Интересно, как бы отнесся к такому продолжению своего дела сам Сергей Владимирович, именем которого клянутся сейчас все. Хотя знают, что идея отдать театр в руки Габриадзе — его идея.)

«Мемориальный театр. Это значит — мертвый театр?» — спросила Женя у Габриадзе. «Мертвые тоже нужны, — как-то глубокомысленно ответил он.

Она не поняла, но промолчала. То, что она видела в его мастерской, даже не создавалось, не творилось — это рождалось и прорастало. В театре недоумевали: что он там у себя делает, где сценарий, роли, кто будет занят в спектакле — крайне волнительные вопросы трудовой занятости волновали коллектив. Ему же если и было кого подгонять, то только самого себя: сам себе главный сценарист, художник, мастер и режиссер.

И все же артист, как бы он ни хорохорился, всегда зависим от режиссера, и опасения его рвутся наружу. По театру пошел слух, что артисты ему не нужны вовсе, а кукол будут водить мастера, которые их делали. При всей нелепости логичных оснований слух этот лишен не был — куклы Габриадзе, как дети, которых отдают в детский сад, уже наученные самостоятельно ходить, и самолюбие артиста, без которого это сделали, начинает страдать. «Мы же высокие профессионалы, — сказал Жене один заслуженный, но настороженный и обиженный кукловод, — в этот перформанс могут делать и не артисты».

Но вот что удивительно. Невзирая ни на что Габриадзе делал спектакль, рассчитанный на этих артистов. Это видно по спектаклю, ему было очень важно, что, к примеру, Виктор Платонов похож на апостола Петра. Он говорил, вы выйдете из за ширмы. То, что немолоды, украсит спектакль, это опыт жизни в ваших лицах...

Случилось то, чего так давно уже не случалось: театр выехал за рубеж в Южную Корею. К этой поездке выездная труппа готовилась ностальгически, как если б первое свидание предстояло пережить второй раз. Но гастроли оказались крайне неудачными. Сыграли несколько раз «Волшебную лампу», в «Дон-Жуана» даже не распаковали. Кореец-продюсер объявил себя банкротом, домой сле вернулись. Хлынул, по выражению Жени, поток событий — неприятных, непристойных, гадких...

Вернулись и стали требовать суточных. Габриадзе, который панически бежит от денежных дел, собрал труппу и сказал, что оплатит на основании финансовой экспертизы.

ИЗ ДНЕВНИКА Е. И. КУЗНЕЦОВОЙ

«Что тут началось! Лица красные, орут: «Сначала расплатитесь с нами — потом требуйте деньги с той стороны!.. Возбуждение нарастало день ото дня.

... Резо получил заключение экспертов о том, что деньги должны выплатить-таки сторона корейская... Тогда он сказал актерам, что выплатит через суд (потом он объяснил мне, что это будет для него достаточное юридическое основание для выплаты, иначе где гарантия, что другая часть труппы не обвинит его в разбазаривании средств театра).

Наутро при ходатайстве Мерабова труппе была устроена аудиенция у замминистра культуры Щербакова. Они понесли туда все документы: куда Резо ездил, сколько потратил, что было куплено для него театром, приплатили командировку в Псков (к Пушкину?!), машину на аренде...

...Артисты подали в суд. Не подали Катя Бабаева, Большаков. Витя Рябов просил в заявлении отсуженные деньги отдать на памятник Образцову.

Потом я звонила Резо в Питер, у него вы день рождения, и он, пьяненький, говорил, что там его все любят... А здесь...»

— Мысли сами причудливо посещают нас, — говорит Женя, — и никакой это не волевой акт — творчество.

Она догадывалась, какая внутренняя тишина нужна этому художнику, теперь уже ее другу и учителю. Но что она могла сделать? Рядом были понимающие люди: и артисты, и художники, и мастера. Но как назло... сплошь порядочные люди. Интриговать не получалось. Вызвали как-то педагога по сценической речи, чтобы получить профессиональное заключение, кто из артистов соответствует стандартам по этой части, а кто нет. Та оказалась такой милой и порядочной женщиной, что от экспертной оценки отказалась, не желая навредить артистам. В общем, не получалось у Евгении Ивановны управлять массами и так влиять на ситуацию. Была бы стервой?.. Ну не нарисовался такой исторический вариант.

14 сентября на открытии сезона 95—96-х годов давали «Необыкновенный концерт», которому исполнилось 60 (!) лет. Вот была радость, вот было свое. А дневник Жени будет вести еще две недели, история идет к финалу.

ИЗ ДНЕВНИКА Е. И. КУЗНЕЦОВОЙ

«Днем в коридоре кричал Р-я: «Да будет ли наконец общее собрание?!»

...Резо приехал из Германии. Очень уставший, больной. Но сразу закутал работу над следующим эпизодом — «Синий платочек». Пристают, когда же репетиции. Он сердится: «Мне репетиций надо три дня».

... Вчера в театре О. В. сообщила, что артисты хотят собрания и пойдут дожи до забастовки после утреннего спектакля. А. Б. и В. пошли к больному Аделю. Советоваться, значит, как действовать.

...Ю. Л. последнее время не здоровается... Зимой сидел у Резо и говорил: «Мастер, мастер»... У меня гадливое чувство.

...Вчера Резо был в хорошем настроении, говорил, что КРУ, слава Богу, разбирается в деятельности дирекции до его прихода.

...Прихожу в театр, телефоны отключены... Адель ходит и агитирует артистов, собирает подписи, чтобы состоялось собрание. Я имела с ним разговор. «Да, — говорит, — я качусь вниз. Все требуют отчета худрука».

Совковое сознание, будто можно что-то решить на собрании».

Здесь Евгения Ивановна прекратила записи. Не знаю, может быть, она ведет другой дневник, но эта часть ее жизни, прошедшая в театре кукол имени С. В. Образцова, закрыта на своей предпоследней странице.

Была еще последняя. Общее собрание.

Выступил Ю. Л., который зимой рассыпался перед «мастером», но вдруг перестал здороваться с Женей. Сказал, что он отказывает художественному руководителю в звании культурного человека. Выступила еще одна старая актриса. Выступил профорг. Женя глотала слезы.

Итог почему-то взялся подвести главный редактор журнала «Московский наблюдатель», маститый театральный критик Семеновский.

— Резо, — сказал он решительно и смело, — ты должен уйти.

— А я давно уже от вас ушел, — ответил одинокО стоявший на сцене Габриадзе.

И ушел.

Давно было подмечено Женей, что время от времени около Габриадзе возникал руководитель Санкт-Петербургского театра сатиры Словохотов. Причем появления эти загадочным образом совпадали с всплесками конфликта в образцовском театре. То есть возникал скорее всего по наводке. Он знал точно, что может вот так, не напрягаясь, заполучить первоклассный продукт. Честь и хвала — он его получил. Уже с нового года Габриадзе начал репетиции в Питере. В начале апреля во французском Дижоне прошла премьера «Песни о Волге». Потом спектакль шел в Питере, и, наконец, десять спектаклей достались москвичам. Это была очередной вполне ожидаемый триумф Габриадзе. И Питерского театра сатиры. От театра Образцова в спектакле не было никого.

Габриадзе сейчас где-то в Европе, занят очень интересным делом, и мы скоро о нем услышим. После его ухода к нему домой пришли люди из театра и навесили инвентарные бирки на стол, стулья и все остальное, что было куплено для переехавшего жить в Москву Ревазя Леванович. Актеры театра Образцова все же вышли из-за ширмы. В спектакле Марка Розовского «Глупов-шоу». Правда, на одну актерскую голову был одет сапог, на другую — большой муляж человеческой задницы. Пресса оценила все это как вполне запланированный провал.

Евгения Ивановна, Женя ушла вслед за Резо, упросила нового директора театра не задерживать ее ни на день. Она работает у выдающегося дирижера Колобова с австрийским акцентом.

Она купила шезлонг; мечтает выносить его в свой двор, заросший вишневыми деревьями, и просто отдыхать.

Я спросил: «Летя ждете?» «Я жду Ревазя Левановича», — ответила она.

● **Нугзар МИКЕЛАДЗЕ**